

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316. 73

И. А. Симонова

ОТ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ДИАЛОГУ: СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОЛОГИЯ СУБКУЛЬТУРНЫХ СООБЩЕСТВ

Аннотация. Статья посвящена социально-топологическому анализу феномена субкультурных сообществ в контексте культурного многообразия современного глобализирующегося мира и обрисовывает сопричастность субкультур проблемам межкультурного диалога (согласно материалам Белой книги Совета Европы по межкультурному диалогу – нового способа взаимодействия в границах мирового культурного пространства).

Ключевые слова: субкультура, социальная топология, межкультурный диалог, культурное многообразие.

Abstract. The paper presents the socio-topological analysis of the phenomenon of subcultural communities in the context of the cultural diversity of contemporary globalizing world and outlines the involvement of subcultures in the intercultural dialogue (according to the White Paper of the Council of Europe – a new way of interaction within the world cultural space).

Index terms: subculture, social topology, intercultural dialogue, cultural diversity.

Мировые глобализационные процессы, интенсивно происходящие в последние десятилетия, провоцируют значительные сдвиги в устройении пространства, которые характеризуются переходом от конкретной локальной географической местности к единому символическому пространству, что, с одной стороны, расширяет границы коммуникаций, но, с другой стороны, сталкивает мировое сообщество на единой символической территории. Подобная ситуация становится благодатной почвой для конфликтов, «губительных с точки зрения уважения человеческого достоинства и общественного благосостояния» [4, с. 14], возникающих на разных уровнях общественного бытия. При этом процесс урегулирования уже возникших противостояний оказывается крайне сложным. Так, «сегрегированные и закрытые друг для друга сообщества порождают климат, враждебный для индивидуальной автономии личности, препятствуют осуществлению прав человека и основных свобод» [4, с. 16] и порождают опасную напряженность социума, преодолеть которую подчас практиче-

ски невозможно, что, в конечном счете, лишает всех «выгоды новых культурных открытий, необходимых для развития личности и общества в глобализированном мире» [4, с. 14]. Именно по этой причине приоритетным видится формирование стратегии предотвращения межкультурных противостояний, которая гарантировала бы сохранение самобытности каждого из участников, но позволяла сосуществовать им в едином символическом пространстве современного мира.

В частности, речь идет о ситуации, связанной с феноменом культурного многообразия, ставшего очевидной и неотъемлемой характеристикой современного глобализированного мира. Согласно материалам Белой книги Совета Европы по межкультурному диалогу (Страсбург, 2008 г.), ассимиляция и мультикультурализм – «старые подходы к регулированию вопросов, связанных с культурным многообразием» [4, с. 19], – более не соответствуют потребности современных обществ в преодолении конфликтов, обусловленных нарастанием культурных различий. Построение общества, охватывающего все слои населения, требует нового подхода, и межкультурный диалог – это как раз тот путь, которым следует идти [4, с. 9].

Согласно Белой книге, «*межкультурный диалог* понимается как открытый и уважительный обмен мнениями на основе взаимопонимания и уважения между отдельными людьми, а также группами людей различной этнической, культурной, религиозной и языковой принадлежности, имеющими разные исторические корни» [4, с. 10]. Однако привлекательность этого подхода очевидна в той же степени, в какой очевидны и сложности, связанные с его конкретной реализацией в условиях современного общества, поскольку речь идет не столько о выработке теории – системы правил, инструкций и норм межкультурной коммуникации, но о кардинальном пересмотре восприятия культурного многообразия на уровне сложившегося определенным образом человеческого мышления. Сегодня чрезвычайная подвижность, изменчивость, плюралистичность современной жизни, вырисовывающиеся в парадоксальном усложнении социальных явлений и увеличении количества социальных связей, констатируются большинством исследователей. И очевидной, на наш взгляд, становится проблема возможности восприятия и ориентации в такой неоднородной социальности именно непосредственных акторов, т. е. обычных людей, и особенно молодежи, которые, собственно, воплощают собой и гарантируют саму возможность наличествующего общества. Таким образом, приоритетным направлением оказывается поворот общественной мысли в сторону принятия культурного многообразия через систему диалога культур и формирование представления о личной роли и ответственности человека за состояние всего общества. Однако главной сложностью при этом становится *действительное отсутствие ясности относительно практического значения понятия межкультурного диалога* [4, с. 9].

Учитывая сказанное выше, мы предлагаем обратить внимание на анализ феномена субкультурных сообществ, поскольку именно эти особые социальные образования

- позволяют проанализировать механизмы реализации межкультурного диалога через осмысление способов функционирования субкультуры в культуре, как конструирующихся и реализующихся участниками сообществ и осуществить сопоставление этого взаимодействия с контактом уровня «культура – культура» в социальной системе;

- демонстрируют существенную заинтересованность их участников в вопросах, касающихся проблем культурного многообразия, и в конкретной деятельности по преобразованию окружающей действительности в сторону установления/разрыва межкультурного диалога именно в границах наличной совместности;

- свидетельствуют о необходимости и возможности межкультурного диалога благодаря культивации внутреннего потенциала общества, поскольку визуализируют тенденцию сообществ к построению диалогических межкультурных связей. Этот ход позволит актуализировать проблематику культурного разнообразия в рамках рассматриваемого нами феномена субкультур и оценить его значимость в границах современной социальной процессуальности. Кроме того, он даст ответы на ряд непростых вопросов, касающихся практической сути понятия межкультурного диалога, и прояснит внутренние особенности его реализации в границах обществ современного типа.

Стоит начать с обращения к самому понятию «субкультура», возникшему в результате осознания разнородности культурного пространства, ставшей особенно очевидной в урбанизированном обществе XX в. Первые упоминания термина «субкультура» появились в научной литературе в 30-х гг. XX в., однако широкое распространение пришлось на 1960–70-е гг. Это связано прежде всего со «взрывом» молодежных движений и значительным исследовательским интересом к ним. Изначально приставка «*sub-*» («под-») указывала на скрытость, потаенность, неофициальный характер субкультур, в противоположность явной, открытой, официальной культуре. Исследователями отмечено также и общее «противопоставление неинституциональных культурных явлений как низовых – в противоположность “высокой” официальной культуре» [9, с. 4]. Можно также отметить, что понятие «субкультура» фактически совпадало с понятием «контр-культура», «определявшим идеологию молодежи как разрушающую всякую культуру вообще, противостоящую культуре как таковой» [9, с. 4].

Так, Т. Щепанская приходит к выводу, что понятие «субкультура» первоначально обозначало явления, воспринимавшиеся как *не-* или *вне-*культурные. Со временем, однако, оно стало приобретать иной смысл, поскольку реальность наличия других культур, отличных от официальной, однако обладающих всеми нормативными и символическими характери-

стиками и очевидно существующими, наконец утвердила представление о современном мире и обществе как о мультикультурном. Это придало новую, более полную трактовку и содержательную наполненность понятию субкультуры, в качестве особой «подсистемы» культуры, однако определение этого понятия все еще продолжает быть несколько затруднительным именно из-за фундаментальности лежащего в его основе понятия «культуры»: «Большинство известных определений культуры выделяют несколько ее характеристик: знаковые (общность идеологии, ментальности, символики, культурного кода, картины мира); поведенческие (обычаи, ритуалы, нормы, модели и стереотипы поведения); социальные (социальная группа, страта и т. д., определяемая как носитель культуры)» [9, с. 5]. Приставка «суб-», предполагающая теперь, что речь идет о подсистеме культуры, позволяет расценивать субкультуру в качестве ее своеобразной составной части, находящейся в определенного рода подчинении. Тогда получается, что культурный код субкультуры формируется в рамках более общей системы, системы культуры, определяющей основу и обеспечивающей целостность данного социума. Однако апозиционность субкультур все еще признается ключевой особенностью, поскольку считается, что «каждая из них определяется прежде всего по отношению к господствующей культуре, противопоставляя ей свои нормы и ценности, либо черпая в ней обоснования этих норм» [9, с. 5], следовательно, «нормы и ценности возникли из норм и ценностей господствующей культуры путем инверсии, то есть придания им обратного смысла» [8, с. 3].

Описанный подход, ставший уже классическим для понимания субкультуры, обрисовывает ее отношения с той культурой, в которой она, как социальный феномен, обнаруживает себя. Это позволяет зафиксировать неразрывную связь, а также отношения проекции некоторых норм, ценностей, знаков, практик, смыслов и т. д., обеспечивающих возможность взаимопонимания агентов внутри системы данного социума независимо от того, принадлежат они к какой-либо субкультуре или нет. В таком случае субкультура оказывается представима в качестве какой-то социальной общности, пребывающей в теле доминантной культуры, при этом понимающей ее установки и функционирующей строго наперекор им. Однако если мы обратимся к широкому кругу практических исследований ряда конкретных субкультур, то обнаружим, что любой из них свойственны свои собственные, уникальные знаковые, поведенческие и социальные характеристики, транслируемые посредством собственных, автономных, относительно культуры, механизмов социализации. То есть большинство субкультур хоть и формируются с опорой на базовую систему культуры, однако представляют собой не просто механическую инверсию, а скорее отрицание приемлемости существующей и формирование взамен нее новой, исключаяющей погрешности прежней и транслирующей уже совершенно иные смыслы, системы.

Именно эффективные трансформации наличного социального бытия делают субкультуру целостной системой, пространяемой на всех уровнях социальности, что дает нам основание анализировать ее в качестве необходимо возникающей *микрочультуры*, т. е. признавать особую природу и относительную автономию первой. Такое понимание субкультуры позволяет нам рассматривать ее как культуру в культуре, следовательно, дает основание проводить заявленную выше параллель между процессом ее взаимодействия с доминирующей культурой и процессами, происходящими между различными культурами, соприкасающимися между собой в свете мировой глобализации. Приоритетным, по мнению автора, в данном случае видится рассмотрение феномена субкультуры именно в контексте социальности, анализ его макро- и микродинамики в качестве сложного внутрисистемного сообщества, обладающего уникальными существенными структурно-функциональными, аксиологическими и телеологическими характеристиками и активно репрезентирующего указанные формы в пространстве общества.

Очевидная социально-философская типика высказанной выше проблемы необходимо перемещает наше исследование в перспективу социально-топологического анализа. Именно «социальная топология конструирует такую модель социальности, которая не основывается на посылах философии сознания, позволяет избежать ошибок, связанных с абсолютизацией социальной структуры» [1, с. 6], и вместе с тем обеспечивает целостное восприятие сложноорганизованных социальных феноменов, возникающих в результате непосредственного общения людей, локализованного в пределах конкретного пространства.

Говоря о социальном мире языком топологии, необходимо видеть в нем пространство и время совмещения и размещения определенных тел и при этом производство определенных мест. Мы предлагаем использовать здесь понятие «топологема» (С. А. Азаренко), выражающее собой определенный способ собирания в одном месте тех или иных социальных «мест», возникших в условиях определенных территории, климата, растительности и т. п. [2, с. 53]. Любая культура, в этой связи, «предстает транслируемой совокупностью разнообразных “топологем” (самой различной конфигурации: от дома до города) и образцов “совместных” способов человеческой техники и практики, благодаря которым социальность превращается в относительное единство» [2, с. 54]. Причем «наличие определенных топологем в отдельной культуре оказывает действие на все оставшееся ее пространство, задавая единство ее различных форм» [2, с. 60].

Реконструируя феномен субкультуры в размеченной нами «системе координат» в качестве цельной и, до определенной степени, автономной системы, мы также можем расценивать ее как транслируемую комбинацию ряда своеобразных топологем и наделяем ее комплексом специфических социальных техник и практик, обеспечивающих со-в-мещение, о-пределение и раз-мещение агентов, т. е. производство ими особых «мест» социальности – топосов.

Концепт «топос», выражающий уникальность существования какого-либо социального организма, в нашем случае субкультуры, «указывает на особый тип присущих ей отношений, структуру, характер воспроизводства и обновления сложившегося порядка» [2, с. 9]. Так, наряду с традиционными «местами» происходит создание новых «мест» социальности, размещение в которые через взаимодействие телесности и местности выстраивает систему субкультуры, формируя ее в качестве своеобразной совокупности топологем как уникального социокультурного образования, реализующегося внутри конкретной социальности.

По сути, субкультура как транслируемая совокупность уникальных топологем оказывается изначально определена, прежде всего, топологемами культуры, в границах и в совмещении с которыми она появляется, начинает репрезентировать себя, что, в конечном счете, и позволяет первой возникнуть, быть воспринятой и понятой, более того, при этом активно реализовывать проекцию альтернативных, новых форм культурного бытия, трансформирующих и, тем самым, обновляющих наличный порядок человеческой совместности.

Одним из многочисленных примеров, иллюстрирующих описанную выше схему, может служить феномен сквотирования [3], представляющий собой совокупность техник альтернативной работы с городским пространством, характерный для ряда субкультурных сообществ (панки, хиппи, D. I. Y и т. д.). «Сквот» – заброшенное жилое или промышленное здание, изначально обладавшее соответствующими социальными характеристиками совместности, закрепленными некогда на определенной местности – топосе. Оно представляется местом реализации своеобразной топологемы, по тем или иным причинам утратившим свое значение, и самовольно занимается группой людей, которые физически трансформируют его (ремонтируют, мебелируют, перестраивают, декорируют), превращая в совершенно иной топос, собирающий в себе новые социальные места для реализации уже присутствующих в культуре производственной, духовной, семейной, образовательной и иных практик. Однако воспроизводят они их иначе и с помощью отличающихся техник (коммуницирования, питания, отдыха, труда, лечения и т. д.), тем самым обеспечивая альтернативный порядок совместности на территории, изначально сформированной и все еще принадлежащей доминирующей культуре. Так, бывший склад может стать для этого сообщества одновременно домом, художественной мастерской, концертным залом, магазинчиком, образовательной площадкой, библиотекой и т. д., формируя новую топологему, однако очевидно соотносимую с топологемами культуры и опирающуюся на ее продукты. Сквотирование не только по-новому организует физическое и символическое пространство города, но и, становясь нередко информационным молодежным центром, манифестирует ряд идей, касающихся общественно значимых проблем (жилищных вопросов, проблем

свободы личности, экологической ситуации в мире и пр.), формирует особую позицию, новые формы искусства и способы быта и, создавая определенный резонанс, способствует кондиционированию общества. Очевидно также и сходство современных творческих лагерей, молодежных научных школ и пр. с феноменом сквота.

Двойное положение субкультуры в качестве своеобразной включенной автономии позволяет ей создавать и транслировать особые альтернативные смыслы и воспроизводиться тем самым во всей своей уникальности, формируя и вырабатывая новую топологику со-бытия, принадлежа и оставаясь, в то же время, частью той социальной системы, в которой она возникает и которую локально трансформирует благодаря конструированию новых топологем, обеспечивающих проекцию реконструированного «символического универсума», понимаемого тут в качестве комплекса социальных представлений, знаний, практик, целей, движущих сил и т. д., вычерчивающих единый для данной социальной общности мир. По-иному воспроизведенные субкультурой, эти элементы частично осваиваются обществом и начинают воспроизводиться им посредством в той или иной степени адаптированных субкультурных топологем, через ассимиляцию некоторых наиболее эффективных техник и практик. Именно благодаря описанной тенденции и происходит процесс обновления и обогащения культуры. При этом субкультурные сообщества продолжают осваивать некоторые практики и техники, воспроизводимые материнской культурой, отчасти трансформируя их, однако принимая и воспроизводя наряду с воспроизводством своих уникальных топологем. Хотя обмен культурной информацией происходит постоянно, участники продолжают сохранять статус своеобразной автономии. Таким образом, можно сделать вывод о реальном диалоге, происходящем между культурой и субкультурами.

Обращение к многочисленным описаниям истории разнообразных субкультурных сообществ позволяет зафиксировать такие процессы в отношении последних со стороны доминирующей культуры, ориентированной, прежде всего, на самосохранение и реализованной в теле определенного общества как деструкция и ассимилятивное поглощение. Например, в Советский период со стороны государства рок-культура подлежала грубой критике, а члены этого сообщества подвергались преследованию, поскольку имело место опасное для целостности первого «столкновение идей», сегодня же – российская массовая культура присвоила множество способов совместности, выработанных этой субкультурой, и заставляет ее искать и находить новые пути самоидентификации. Аналогичные процессы прослеживаются и в отношении менее крупных культур со стороны более крупных. Вместе с тем саморазвивающийся характер субкультуры как «системы в системе» определенно содержит внутреннюю возможность не только возникнуть, но и сопротивляться агрессии, избегать полного растворения, сохраняя ту или иную долю автономии относительно гос-

подствующей системы. Это может означать, что, несмотря на указанные агрессивные тенденции, культура все же оказывается потенциально открытой к формированию и существенному развитию субкультурных систем, т. е., как мы полагаем, проявляет внутреннюю потребность в такой самоорганизации, поскольку испытывает реальную необходимость в обновлении. Так, аналогичную необходимость может реализовывать и диалог с другими культурами, а значит, учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что определенная вероятность допущения развернутого диалога системы общества с другими автономными системами является естественной и закономерной.

Кроме того, можно с уверенностью констатировать, что любая культура имеет внутренний механизм самосохранения, что позволяет ей при диалогическом контакте с другими культурами сохранять себя, как это и происходит в случае контакта «культура – субкультура». Автор считает, что механизм межкультурного диалога также предполагает обмен практиками и техниками, когда в результате взаимодействия различных культурных сообществ наряду с топологемами, свойственными исключительно контактирующим культурам, начинают формироваться и преемственные топологемы, собирающие характерные черты совместности обеих культур и тем самым их обновляющие, однако не наносящие урона сложившемуся порядку совмещения контактирующих сообществ. То есть тут «многообразие, творчество и новаторство ... создает ... благоприятные условия для развития общества» [4, с. 13].

Еще одним важным аспектом в рассмотрении феномена субкультур с точки зрения феномена культурного многообразия и проблем культурного диалога оказывается протестность. Согласно теории структуриации Э. Гидденса, «структуральные свойства социальных систем как ограничивают, так и создают возможности для действия» [7, с. 239]. Это означает для нас, что сама система общества, являя собой определенно организованное целое, необходимо предполагает возможность внешних включений и внутренней самоорганизации в альтернативном устоявшемся порядке направлении, и именно протестность как индикатор различия фиксирует границы совмещения наличествующего «до» и новообразованного сообщества.

В этом случае протестность как существенная характеристика субкультуры и стартовый фактор системообразования последней, по сути, оказывается той позиционно детерминирующей переменной, которая обуславливает различие субкультуры и доминирующей культуры и создает ситуацию вариативности внутри самой системы, реализуя тем самым общественную процессуальность гетерогенного типа. Находясь в основании антиномического монодуализма культуры и субкультуры, протестность фактически оказывается «пусковым механизмом» для развития второй и размечает направление ее осуществления в зависимости от зоны приложения в теле культуры. Так, позиции восприятия культурного мно-

гообразия оказываются важным пунктом, позволяющим представителям различных субкультурных сообществ формировать свою идентичность, и оказываются в центре идеологической доктрины для многих из них. Например, субкультурные сообщества социал-националистического толка, ультраправые скин-хеды, неонацисты (так называемые «бонеры») [5] направляют свою активность на купирование всякой возможности культурного диалога и, являясь экстремистским сообществом, насильственными методами борются с культурными различиями в своем обществе. Фактически представители такого рода сообщества направляют всю свою деятельность на подавление воспроизводства инокультурных топологем посредством насильственного вытеснения, запугивания и грубого воспроизводства своего варианта совместности. В свою очередь, такие сообщества, как хиппи, S. H. A. R. P. скин-хеды (англ. *Skinheads Against Racial Prejudices* – «Скинхеды против расовых предрассудков»), гей-скинхеды (GSM – *Gay Skinhead Movement*) [5] и многие другие, напротив, ориентированы на позитивное принятие культурного многообразия и борются против угнетения представителей культурных меньшинств разного типа, призывая к принципам толерантности, гуманизма, и стоят на позиции активного развития и поддержания стратегии межкультурного диалога.

В рамках таких субкультурных сообществ конструируется уже совершенно иная совокупность топологем, воспроизводящаяся благодаря иным практикам и техникам и репрезентирующая в процессе коммуникации отличные от неонацистов ценности. В первом случае мы можем зафиксировать протест против вхождения иных культур в поле имеющейся культуры, что указывает на разрыв диалогичности и, следовательно, на потребность общества во введении механизмов культурного диалога и их актуальный недостаток, поскольку примитивная агрессия участников таких сообществ говорит нам о непонимании позитивного влияния межкультурных диалогических контактов и неумении их реализовывать. Во втором случае мы можем отметить протест против консерватизма культуры, когда она оказывается чрезмерно закрытой для нового как со стороны других культур, так и для внутренне формирующихся новшеств субкультурного сообщества опять же выражают внутреннюю тенденцию к межкультурному диалогу и демонстрируют способы его организации, соответствующим образом простраивая наличное социальное пространство.

Важно, что это социальное пространство выстраивается сообществами сознательно и практически в ходе совместного существования, в процессе организованной, упорядоченной деятельности определенной коллективности, именно потому, что «человек не просто погружен, но он активно находится, то есть находит себя совместно с другими» [2, с. 45]. Это указывает на особую роль человеческой активности, осущетворяющейся благодаря атомарному желанию и совместной деятельности, которая не подкреплена дополнительной мотивацией, кроме собственного же-

лания в какой-то мере иначе воспроизвести событие в границах своей местности, с тем чтобы будущее носило отличный от прошлого характер. Таким образом, мы можем говорить об идущей из внутренних ресурсов человеческой деятельности актуализации личной ответственности за состояние окружающей действительности.

Интересно, что активность субкультурных форм возникает на изломах социальных процессов, именно на тех участках, которые оказываются в области наиболее значимых общественных проблем, промаркированных (выделенных) как культурой, так и субкультурами. В данном случае мы можем зафиксировать особую актуальность вопросов, касающихся культурного многообразия, и для тех, и для других. Не случайным оказывается совпадение маркирования «проблемных» и значимых зон общественной практики, осуществляющихся культурой и субкультурами, поскольку именно культура, будучи процессуальным явлением, испытывая необходимость в коррекции системности и постоянной рекурсивной реорганизации, задает основные критерии для такой маркировки, т. е. формирует своего рода запрос на вентиляцию, реорганизацию или коррекцию конкретных топологем. Подобное видение применительно к субкультурному процессу позволяет пересмотреть и преодолеть устоявшееся искусственное противопоставление его культурному и указывает на то, что они осуществляются скорее как разные стороны единого процесса: сама система современной культуры начинает испытывать необходимость во внутрисистемном формировании субкультурного сообщества, следовательно, условия для самоорганизации последнего заложены, естественным образом, в самом механизме воспроизводства социальности.

Наконец, важно зафиксировать, что большинство субкультур, фактически являясь олицетворением культурного многообразия и его символом, и оказываясь индикатором проблемных полей, связанных с вопросами культурного диалога, сами оказываются результатом межкультурных диалогических взаимоотношений. Абсолютное большинство субкультур не принадлежат конкретной стране и, возникнув на определенной территории, получают развитие на совершенно других территориях, реконструируясь с учетом их особых черт, однако сохраняя свою изначальную центральную идею, благодаря которой их можно фиксировать по всему миру как нечто единое. Представляя собой общекультурный феномен, они транспортируют и вводят в жизнь различных культур инокультурные топологемы и через применение инородных практик и техник тела и комбинирование их с местными топологемами реализуют непосредственное межкультурное взаимодействие. Значительная этничность, фольклорность, апелляция к разнообразным культурным традициям (в том числе реактуализация архаики различных стран) в использовании тела и техник совместности, таких как костюм, татуировка, пирсинг, ритуал, танец, язык и др., позволяет делать вывод о субкультуре как о транскультурном

феномене, по сути, и представляющем собой культурный диалог, что важно, исходящий не со стороны политических, религиозных или иных институтов, а от людей в их непосредственном совмещении.

Таким образом, мы можем зафиксировать понятие субкультуры как результата самоорганизованного диалога культур. Медийность как одна из существенных характеристик субкультуры выражает мировую, всеобщую тенденцию к межкультурному диалогу и констатирует реальность осуществления последнего, именно благодаря самоорганизации человеческой активности и признанию ценности культурного многообразия, как, несомненно, стимулирующего развитие культуры.

По мнению автора, именно субкультура, будучи особым транскультурным способом организации совместности, обладает мощным диалогическим потенциалом в границах обществ современного типа. Как уникальный социальный феномен, она не только олицетворяет актуальное состояние глобализирующегося мира, но и свидетельствует о реальной пользе межкультурного диалога. Согласно материалам Белой книги, межкультурный диалог способствует интеграции и сплочению многокультурных обществ, поощряет толерантность, значимость человеческого достоинства и чувство общей цели, обеспечивает понимание различных мировоззрений и поведения, дает свободу этого выбора и способен повысить уровень сотрудничества, а главное, создать условия для развития личности и уважения к другому [4].

В связи с этим мы считаем, что исследования феномена субкультур в рамках данной проблематики способны стать важным элементом современных образовательных процессов. Знакомство с концептуальными особенностями этого феномена, например в рамках специальных курсов, не только позволит в интересной и близкой для молодежи форме прояснить онтологию культурного процесса в границах социальности и ознакомиться с проблемами культурного многообразия, но и содержит глубокие воспитательные возможности: субкультурные сообщества выражают высокую социальную активность, ответственность за локальную среду, в которой они находятся, и демонстрируют реализацию деятельностного потенциала, строя диалогические отношения без внешней мотивации, следовательно, видятся образцом «работы» человека на своем месте. Кроме того, применение позитивного опыта субкультур по обмену, усвоению и адаптации инкультурных техник может стать основой методик формирования навыков культурного диалога и повышения лояльности к представителям других культур уже на ранних этапах образовательной деятельности, и потому представляется небезынтересным для социально-философского анализа.

Литература

1. Азаренко С. А. Сообщество тела. М., 2007.
2. Азаренко С. А. Топология культурного воспроизводства. Екатеринбург, 2000.

3. Аксютин О. А. Культура повседневности современных протестных движений в Европе // *Повседневность как текст культуры: материалы междунар. науч. конф.* Киров, 27–29 апр. 2005 г. Киров: Изд-во ВятГУ, 2005.

4. Белая книга по межкультурному диалогу. Жить вместе в равном достоинстве. Страсбург, 2008.

5. Беликов С. Бритоголовые: все о скинхедах. Эксклюзивные материалы. М., 2002.

6. Бетев А. Н. Топология свободы в перспективе разнородного мира // *Изв. Урал. гос. ун-та.* 2008. № 61.

7. Гидденс Э. Устройство общества. М., 2003.

8. Мельвиль А. Ю., Разлогов К. Э. Контркультура и новый консерватизм. М., 1981.

9. Щепанская Т. Традиции городских субкультур // *Современный городской фольклор.* М.: РГГУ, 2003.